
СЛОВАРИ ВНЕЛИТЕРАТУРНОЙ ЛЕКСИКИ КАК РАЗНОВИДНОСТЬ АВТОРСКИХ СЛОВАРЕЙ (ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ)

В статье ставится проблема подготовки словаря внелитературной лексики, использованной в художественных текстах для создания образа инонациональной речевой среды. В качестве объектов лексикографирования рассматриваются переводные тексты, произведения русскоязычной национальной литературы и русских авторов, обращающихся к отражению жизни народов России. Обосновывается отнесение таких словарей к дифференциальным авторским словарям. Как основные единицы выделяются экзотизмы, варваризмы, национализмы, а также диалектизмы и историзмы в функции экзотизмов.

Ключевые слова: дифференциальный словарь, образ инонациональной речевой среды, зоны словарной статьи.

В последние годы в стране успешно развивается авторская лексикография. Л.Л. Шестаковой детально проанализированы «опыты типологизации авторских словарей» и предложена оригинальная собственная типология [1. С. 45–60]. В настоящей статье мы обращаемся только к делению авторских словарей на полные и дифференциальные (дифференцированные), отвлекаясь от сложности первого понятия и многочисленных различающихся толкований второго термина. Л.В. Щерба в статье «Опыт общей теории лексикографии» выделяет дифференциальный тип словаря, который «регистрирует только отличия от литературного языка». К таким словарям он традиционно относит диалектные, но и «словарь языка писателя» не фиксирует «безразличный материал», (названный когда-то им «упаковочным»), «который, конечно, никак не входит в индивидуальную систему (в стиль) данного писателя» [2. С. 269]. В некоторых авторских дифференциальных словарях указывается пласт представляемой внелитературной лексики: «Народное слово в произведениях В.И. Белова» [3], «Неологизмы, устаревшие и областные слова в языке поэзии С.А. Есенина» [4] и др. В ряде случаев они по традиции называются словарями языка писателя: «Словарь языка Василия Шукшина» [5], «Словарь языка забайкальского писателя Е.Е. Куренного» [6] и др.

Конечно, значимость полных словарей несравнима ни с чем. Современные исследователи утверждают, что и общенародные слова в художественном тексте часто приобретают особое, специфическое значение, особые смыслы. И это не только ключевые слова текста, используемые в концептуальной функции (например, слово *казак* в текстах М.А. Шолохова [7. С. 49–357]), но и многие общеупотребительные [8]. Однако в силу ряда как внелингвистических, так и внутриязыковых причин дифференциальные словари издаются и, очевидно, будут издаваться: они значительно меньше по объёму, что, с одной стороны, делает более лёгкой задачу составителя и издателя, с другой – более читаемы. Эти словари имеют право на существование и в силу того, что внелитературная лексика в авторском идиостиле обычно представляет автономную лексикосемантическую систему, выступающую как наиболее сильное образительно-выразительное средство текста. К этой группе иногда относят и часть общеупотребительной лексики. Так, Е.В. Иванцова, разграничивая понятия «идиолект» и «идиостиль», к последнему относит «индивидуальный отбор языковых средств из общенародного языка, обусловленный предпочтениями» [9. С. 44].

Большое значение в авторской лексикографии имеют сводные дифференциальные словари. Теоретическая основа при этом возможна самая различная: время создания; эпоха, воссозданная в тексте; регион, представленный в издании; выразительное средство текста (неологизмы, историзмы, диалектизмы и т.д.); какой-либо жанр, художественное направление и т.п. Их можно отнести к аспектным словарям как разновидности дифференциальных толковых словарей [10. С. 30].

Конечно, большие возможности для выпуска сводных словарей предоставляет Большая словарная картотека русского языка, на базе которой были созданы академические толковые словари. Значительный авторский материал остался за бортом в силу несоответствия основным принципам составления этих словарей, теперь же он может быть успешно использован. В иллюстративный, а значит, и описательный материал словарных изданий не включались переводные тексты («Иллюстрируются значения, оттенки значений и особенности употребления слов цитатами из авторитетных оригинальных (непереводных) источников» [11. С. 241]). Переводные и русские тексты, представляющие «национальную литературу», ограничены и

в Национальном корпусе русского языка. Высказывались и возражения по этому поводу; например, Г.Н. Скляревская в перечне «нетрадиционных типов источников» будущего академического словаря упоминает «переводную литературу, «поставляющую» этнографизмы и бытовизмы...» [12. С. 17]. Включаются переводные тексты и в некоторые словари других языков (см. о докладе Э. Святковской, которая указывает, что в польской лексикографии «переводным текстам также уделяется большое внимание» [13. С. 151]). Исключение переводной и русскоязычной национальной литературы из списка источников ограничивает полноту отражения русской художественной словесности. В лексикографии такие тексты представлены: это «Словарь сочинений Хачатура Абовяна. Диалектные и иностранные слова»; «Словарь языка Али Шогенцукова»; «Афоризмы Э.М. Ремарка»; «Словарь поэзии Николы Вапцарова» и др. (см. список в монографии Л.Л. Шестаковой [1. С. 380–397]). Кроме того, многие русские тексты создают образ инонациональной речевой среды. Этот «языковой материал» (Л.В. Щерба) может служить объектом дифференциальных словарей.

Дифференциальные словари фиксируют обычно внелитературную лексику. Внелитературная лексика – слова из нелитературных форм существования русского языка, не отмеченные в толковых словарях, но используемые в художественной литературе. Эта лексика привлекает внимание писателей, читателей и исследователей. Она имеет лексикографическую представленность как долевою (например, в некоторых диалектных словарях – в «Словаре русских говоров Среднего Урала» [14], куда включены слова из произведений П.П. Бажова, А.П. Бондина, П.И. Заякина-Уральского, И.Ф. Колотовкина, Д.Н. Мамина-Сибиряка, А.Г. Туркина; в «Словаре русских говоров Забайкалья» [15], где использованы «Записки охотника Восточной Сибири» А.А. Черкасова и др.; в словарях ненормативной лексики: «Русская феня» [16. С. 220–221], «Поле русской брани» [17. С. 348–378]), так и полную в дифференциальных авторских словарях. Внелитературная лексика является феноменом русского языка, так как, с одной стороны, использует остранение (В.Б. Шкловский) – преодоление стереотипа, стремится к частичному отчуждению художественного текста от речевого опыта читателя, имеет определённые нормы отбора и включения в художественный текст, виды внелитературной лексики (внелитературные экзотизмы, историзмы, ар-

хаизмы, диалектизмы, конфессионализмы, просторечия, жаргонизмы) могут быть представлены в одной классификации (например, тематической или по структурно-семантическим отличиям от слов литературного языка: словообразовательные, семантические и т.д.), с другой – эти слова включаются через художественный текст в пространство литературного языка, приобретают новые структурно-семантические связи, проходят процесс десемантизации и т.д. Вне-литературная лексика создаёт образы разной социально значимой речевой среды в художественных текстах, выполняет разные функции в разных жанрах и формирует идиостиль писателя.

Как отмечает Л.П. Якубинский, «в категории выразительных и изобразительных («картинных») слов, наряду с существующими словами, постоянно имеют тенденцию возникать новые слова, которые либо более энергично и свежо удовлетворяют выразительным эмоциональным заданиям речи, либо по-новому изображают данное представление. Эти новые слова либо могут заменить старые, либо сосуществовать с ними в языке и использоваться по мере надобности. В этих категориях слов происходит перманентное обновление, которое может осуществляться и за счёт своего языкового материала, и, в условиях взаимодействия с иноязычным населением, за счёт иноязычного» [18. С. 67]. Таким образом, создание словарей такого типа актуально в русистике.

В Красноярском педагогическом университете создаётся проект «Образ инонациональной речевой среды в художественном тексте: Материалы к словарю». Авторские дифференциальные словари обычно воспринимаются как стилистические. Структура словарной статьи имеет первостепенное значение для словаря, поскольку уровень лексикографической обработки материала, прежде всего, отражается в структуре словарной статьи. Слово в художественном тексте имеет значение и стилистическую характеристику, зависящие от контекста и от текста в целом. Всё, что привязано к контексту, может быть выражено лексикографически через иллюстрации. То, что даёт слову текст, составители словаря могут отразить в словарной статье, но не могут представить это в иллюстрациях, т.е. чисто лексикографическим путём. Таким образом, в словаре сочетается информация лексикографического и «монографического» характера. Словарная статья делится на зоны: представления, квалификации, иллюстративную и сравнительно-сопоставительную.

В данной работе мы остановимся на некоторых проблемах первых двух зон – зоны представления и зоны квалификации, связанных с текстовыми характеристиками слова.

В **зоне представления** фиксируются слова и номинативные сочетания в начальной форме. Но словарь отражает текст, т.е. связан с речью, основной лексической единицей при этом является словоформа. В начале словарной статьи мы предполагаем перечисление используемых автором словоформ. Опыт такого построения статьи у нас есть: словоформы приводились и в «Словаре языка Агафьи Лыковой» [19], и в «Словаре внелитературной лексики в «Царь-рыбе» В.П. Астафьева» [20].

Проблемы зоны представления связаны с графическими вариантами слова в разных текстах, а иногда и в одном тексте, свидетельствующими о неустойчивости внелитературных экзотизмов. Путь освоения экзотизма такой же, как любого заимствования: варианты возникают за счёт: 1) различного уровня освоения иноязычного слова (разная степень приближения к языку-источнику, с одной стороны, и разный уровень адаптации иноязычного слова в русском языке – с другой); 2) соотношения с разнодиалектными вариантами, например эвенкийского языка; 3) особенностей восприятия иноязычного слова автором и т.д. «Развитие психологии восприятия, – замечает Э. Хауген, – представляет интерес с точки зрения проблем языкового контакта, так как интерференция тесно связана с проблемой ошибочного восприятия у слушающего и у наблюдателя. Подстановка звуков и морфем часто может быть объяснена влиянием родного языка» [21. С. 67].

Мы приведём примеры из текстов М.И. Ошарова [22] и Ж.П. Трошева [23], роман Ж.П. Трошева посвящён жизни Михаила Ивановича Ошарова и в известной степени является вторичным. В одном тексте отмечены графические варианты – у М. Ошарова: *томулян* – *тумэлен* ‘сиденье шамана, символизирующее мироздание’, *лейкомеи* – *локомеи* ‘легкая замшевая обувь’, *балага* – *балалага* ‘родовой суд’; – у Ж. Трошева: *Дулу* – *Дулю* ‘небесная земля шаманов’, *люча* – *лючаль* ‘русский’, *эчэ* – *ачин* ‘нет’ и т.д. Межтекстовые варианты (Ошаров – Трошев):

1) графические: *хомоконы* – *хорольконы* ‘резные фигурки божков’, *томулян* – *томулан*, *Чжебар* – *Джебар* ‘собственное имя

змея – друга мамонта Сэли из эвенкийских преданий’, *шулинга* – *шуленга* ‘глава рода’, *бальяга* – *бальянга* ‘родовой суд’, *Хоглен* – *Хоглэн* ‘созвездие Большой Медведицы, божество – мать оленей, которая своим глазом следит за землёй’, *ёхорьё* – *ехарьё* 1. ‘Праздник встречи солнца, весны, конца полярной ночи’. 2. ‘Хоровод с игровыми элементами’. 3. ‘Возглас-припев во время хоровода’; *камыс* – *камус* ‘шкура с ног оленя’, *они* – *ами* ‘почтительное обращение к женщине, матери’, *сокуй-сакуй* ‘верхняя зимняя одежда, представляющая собой меховой комбинезон с капюшоном, сшитый мехом наружу’, *бокари-бакари* ‘расшитые бисером унты’;

2) связанные с разной номинацией одною явления: *мунняг* – *суглан* ‘большой родовой совет’, *шаманить* – *камлать*, *конгипкавун* – *паннафкаун* ‘национальный музыкальный инструмент’, *турсук* – *потакуй* ‘дорожная сумка’;

3) варианты, отражающие процесс перехода слова из собственного в нарицательное: *Амака* – *амака* ‘основное милосердное божество эвенков’, *шайтан* – *Шайтан* ‘злой дух, дьявол’, *Чангид* – *чангит* ‘мифический бродяга, вечный скиталец, когда-то якобы заблудившийся человек; любит напакастить: бросает камни с гор, палки и шишки с деревьев, «зорит» лабазы’.

Некоторые экзотизмы имеют значительное число вариантов. Интересно в романе М. Ошарова сопоставление вариантов экзотизма *бэе* и *бойе*: *Мои следы идут к твоему чуму, бэе* (сноска: *бэе* – ‘друг’) [22. С. 65]. *Шодоуль, откинув с лица одеяло, лежал с открытыми глазами и тихонько мычал. «Бойе!.. Бойе!»* – робко окликнул *Шодоупя Бодой* [22. С. 136]. В романе Ж. Трошева приводятся два варианта слова – *бэйе* и *бэйё*: *Тарова, тарова, бэйе*, *Большой Ошар!* [23. С. 98]. *Ты, бэйё, что-то хотел сказать мне о шаманах, о Соргок?* [23. С. 191]. *Извини, бэйё, это я сгоряча, не сдержался от неожиданности* [23. С. 192]. Как *бойе* и *Байе* – *Боё* слово используется в «Царь-рыбе» В.П. Астафьева, где кличкой собаки назван первый рассказ «Бойе» [24. С. 3–35]: *За братом тенью таскался кобель по кличке Бойе. Бойе* или *Байе* – по-эвенкийски друг. *Коля кликал собаку по-своему – Боё...* [24. С. 8]. Итак, в целом отмечаются шесть следующих вариантов слова: *бойе*, *бэе*, *байе*, *боё*, *бэйе*, *бэйё*. В русифицированной форме *бойе* (эвенкийскому языку присуще «аканье») слово начинает закрепляться в критической и в художественной литературе. В эвенкийском языке *бэйэ* –

1) мужчина, 2) человек [25. С. 12]; *бэе* – ‘1) тело, 2) человек, 3) мужчина, 4) самец, 5) муж, 6) личность, 7) обращение’ [26. С. 2]; *бэе* – ‘мужчина’ [27. С. 26–27]. В русских говорах Приенисейской Сибири эти слова не употребляются. В качестве заглавного слова используется каждый вариант в отсылочной словарной статье, базовая статья строится на частотном варианте.

В текстах значимо нарушение графического образа уже освоенного русским языком слова. Так, в «Турецком гамбите» Б. Акунина используется *коттэдж*: «...сказали, что господину Фандорину выделили отдельный **коттэдж** (дежурный произнёс новое слово с явным удовольствием) и показали, как пройти. «**Коттэдж**» номер 158 оказался сборной щитовой избушкой...» [28. С. 138–139]. Отнести этот случай к фонетическим архаизмам нельзя, т.к. произносится слово всё равно с твёрдым согласным. В «Алмазной колеснице» писателем используется аналогичный приём: *спортсмэн, проэкт*: *Команда Атлетического клуба готовилась к состязаниям на Кубок Японии – **спортсмэны** поочередно посылали мяч в виккет... [29. С. 444]. По второму «**проэктору**», второстепенному, но все равно очень большого значения, хлопот тоже было немного [29. С. 68].* Этот способ стилизации языка минувшего можно отнести к идиостиллю писателя (образ русской речевой среды прошлого представляет часть образа инонациональной речевой среды в исторической прозе). Нарушение графического образа слова в сущности ничего, кроме привлечения внимания, не даёт («типографический трюк»). Ср. внешне аналогичные слова из текстов, несущие индивидуально-характерологическую функцию: «**Пионэр** с горном, ты разве не видишь?» Почему-то Четвёртый так и сказал «**пионэр**», с одесским прононсом... [30. С. 233]. Б. Акунин также использует слово *везир* (не с более привычным *визирь*, ср., например, у В. Пикуля: «**Визирь** запросил мира» [31. С. 14, 83 и след.]): *Военный **везир** Редиф-паша и главнокомандующий Абдул Керим-паша сняты со своих постов... [28. С. 51]. ...Анвару... удалось свалить **великого везира** Махмуд Недима... [28. С. 41].* Игра словом характерна для постмодернизма. Такие варианты представлены в словаре в качестве заглавного слова словарной статьи. Опираясь на выведенный Л.П. Якубинским «закон затруднения для фонетики поэтического языка», В.Б. Шкловский пишет: «Приемом искусства является прием "остранения" вещей и прием затрудненной формы, увеличивающий трудность и долготу вос-

приятия, так как восприимательный процесс в искусстве самоцелен и должен быть продлен... Поэтический язык, по Аристотелю, должен иметь характер чужеземного, удивительного...» [32. С. 20, 11]. Закон затруднённого чтения Якубинского – Шкловского определяет эти употребления как выразительное средство языка художественного текста, поэтому в словаре словарные статьи не могут рассматриваться как «отрицательный языковой материал» (Л.В. Щерба).

Нарушение графического образа слова, соответствующее литературному произношению, т.е., казалось бы, ошибочное его использование, под действием стилевой доминанты может приобретать определённую выразительность. Так, в речи Масы, героя-японца, в повести Б. Акунина «Пиковый валет» *сафсем* воспринимается читателем как нациолектизм, но не нарушает понимание текста: *Гаспадзин нету. Уехари. Сафсем* [33. С. 66]. *Увозич домой. Сафсем* *домой* [33. С. 68].

В **квалификационной зоне** определяется вид внелитературной лексики. Инонациональная среда описывается через экзотизмы, варваризмы, нациолектизмы (передачу отдельных черт специфического произношения русского текста нерусскими – интерференция, акцент – этностереотип, как в русской графике, так и в латинице), а также историзмы и диалектизмы в функции экзотизмов. К этой же зоне относится и значение слова. Значение слова формулируется исходя из контекста. Но есть такие элементы значения, которые проявляются только на уровне теста.

В словаре (как и в художественных текстах) имеет значение и лакунарность. Например, отсутствие в словнике «Алмазной колесницы» некоторых хорошо известных в русской культуре слов-символов, связанных с Японией (*сакура*, *харакири* и др.). Этот факт явно диалогичен (о диалогичности художественного текста и заимствованного слова писал М.М. Бахтин). Автор использует другие экзотизмы: *эппука* и *сливовый дождь*: *У нас есть древняя, благородная традиция. Хочешь привлечь внимание властей и общества к какому-нибудь злодейству — сделай эппуку. Лживый человек резать себе живот не станет...* [29. С. 44]. *Пойдемте-ка ко мне на квартиру. А то опять этот чертов с-сливовый дождь полил* [29. С. 347] и т.д. (Ср.: *Зачем харакири, не нада харакири, не по фрисчиански!* [33. С. 68]). Лексикографически это, вероятно, можно передать через комментарий к значению. Аналогичный комментарий

потребуется и для слова *омурасаки* – ‘бабочка’ в тексте «Алмазной колесницы», символа героини О-Юми. В тексте неоднократно подчёркивается связь О-Юми и бабочки: *Но еще раньше он убьет меня. Ему будет легко это сделать – как мотылька прихлопнуть* [29. С. 414]. *За ними, придерживая створки, стояла О-Юми – с раскинутых рук свисали широкие рукава кимоно, отчего женщина была похожа на бабочку* [29. С. 430] и т.д. Бабочка в данном сюжете аллюзивна (для современного читателя, но не для изображаемого времени) популярной в России опере Дж. Пуччини «Мадам Баттерфляй (Бабочка)», или «Чио-Чио-Сан» (1904), героиня которой так же, как и О-Юми, была *конкубиной* – супругой по контракту. «Положение, что история и общество являются тем, что может быть «прочитано» как текст, привело к восприятию человеческой культуры как единого «интертекста», который, в свою очередь, служит как бы предтекстом любого вновь появляющегося текста... Для постмодернизма, в частности для Дерриды, характерно «применение мультилингвистических каламбуров, шутилых этимологий, аллюзий на что угодно, фонических и типографических трюков» [34. С. 95, 100–101]. Но в тексте «Алмазной колесницы» нет слова *баттерфляй*, аллюзия требует комментария к значению в словарной статье. (Ср.: *Очень удачно в позапрошлом году получилось с Кредитным товариществом «Баттерфляй» в Нижнем Новгороде* [29. С. 30].)

В **квалификационной зоне** находятся также указания на функцию слова в тексте (номинативная, характерологическая, структурообразующая, сюжетообразующая, символическая, концептообразующая, маркировки текста, привлечения внимания читателя, развлекательная и т.д.), а также помета *в функции* при употреблении русских историзмов и диалектизмов для изображения инонациональной речевой среды. По нашим наблюдениям, в ряде текстов, создающих образ национальной речевой среды, при описании охоты и рыболовства используется русская промысловая лексика (по традиции относящаяся к диалектной). В первой части романа «Последний аргиш» Михаила Ошарова «Звено могил», где по сюжету ещё нет русских, используется только русская промысловая лексика. К охотничьей лексике относятся слова: *соболевать*, *соболятник*, *белковать*; *узорить*, *сторожко* и др. В романе Ж.П. Трошева: *плашка*, *пальма*, *сторожиться*, *завалить*, *скрадок*, *скрадывать*, *обмётом* и др. Эти слова известны в русских говорах. Охотничья лексика в

эвенкийском языке не заимствуется из русского, эвенки сохраняют традиционные способы охоты и свою лексику. В «Эвенкийско-русском словаре» [26] отмечены, например, такие слова: *чунимэт-ми* ‘охотиться на боровую дичь пищалкой’, *чунин* ‘звук рябчика, писк бурундука’, *чучин-ми* ‘встать на задние лапы’, *чэвэкун* ‘мерка на самостреле для определения точки прицела’, *бакал* 1) ‘пушнина, добытая на промысле, 2) место промысла на оленя, лося’; в «Эвенкийско-русском тематическом словаре»: *мотымиями* ‘ходить на лося’, *нисудеми* ‘ехать за мясом зверя’, *утунмэдеми* ‘забивать оленя в затылочную часть’ [27. С. 48]. В словаре К.С. Абрамовой: *мотымами* ‘убить, добыть лося’; *мотымиями* ‘охотиться на лося’; *мудыгимими* ‘охотиться на уток’; *некунэми* ‘отправиться на оленях за тушей убитого зверя’; *ниматми* ‘подарить шкуру убитого зверя и дать часть туши родственнику, соседу, гостю’; *тэлгэтки* ‘разделывать тушу по суставам и разделить крупные части на куски’ [35. С. 17, 18] и т.д. Примеры показывают оригинальность охотничьей эвенкийской лексики, своеобразие понятийного членения действительности этим языком. Очевидно, традиционно в художественных текстах используются при описании национальной охоты русские диалектизмы, так как эвенкийские понятия слишком сложны для русского читателя. Русская лексика представлена автором при описании охоты эвенков, она вложена в их уста, т.е. практически диалектизмы используются в функции экзотизмов, что должно фиксироваться словарём.

Сила художественного слова очень велика. Наверное, от Ошарова идёт обозначение в русском языке захоронения на деревьях у эвенков через диалектизм *лабаз* ‘помост на ветвях дерева, на котором охотники поджидают зверя’, *обл.* (МАС). В тексте используются слова *лабаз*, *лабазить*, *залабазить*. Они известны в речи русских региона, их использует в своём романе «Большой Ошар» Жорес Трошев. Конечно, М.И. Ошаров мог заимствовать это слово у местных русских, но может быть и наоборот: *На широкой Кимчу и стоят лабазы богатого эвенка по имени Молошко из старинного, славного рода куркогиров* [22. С. 24]. «Этот *лабаз* был по-моему... *Лабаз* женский! – добавил шаман. – Худо, за *лабазом* женщины стоит другой, в нем – мужчина» [22. С. 104]. *Потом залабазил их на две могилы* [18. С. 126]. «Отец, *лабазить* покойника будет долго», – сказал он [22. С. 138]. Этот факт также требует в словаре специального комментария.

Отдельные экзотизмы используются в текстах в функции художественной детали, что трансформирует значение на уровне текста в целом. Так, *каруца* – это только та телега, на которой приехала героиня в ставку, *редингот*, неоднократно упоминающийся в тексте, это только пальто Маклафлина и т.д. («Турецкий гамбит»). С другой стороны, функция художественной детали может перерасти в символическую, концептообразующую (в «Алмазной колеснице» – *омурасаки* ‘бабочка’, *конгодзё* ‘алмазная колесница’ и др.), в текстообразующую (в «Турецком гамбите» – *гамбит*, в «Алмазной колеснице» – *хокку* ‘жанр японской поэзии, состоящий из семнадцати слогов (5–7–5)’; положен в основу структуры первой части романа) и т.д.

Всё, что связано с данью, определяет экономическую сторону конфликта в дилогии А.И. Чмыхало («Дикая кровь», «Опальная земля») [36, 37]. При этом автор противопоставляет дань русским (*ясак*, *ясачный*) и джунгарам (*албан*, *кыштым*). Слово *шатёр* значит ‘палатка из кожи, ткани, ветвей, временные складные дома монголов и джунгар’, последовательно отличаясь от слова *юрта*, обозначающего жилище киргизов и их кыштымов (‘данников’). *Нукер* – ‘воин киргизов’, *цирик* – ‘воин-монгол’ и т.д. Прилагательное *крещёный* в романах используется по отношению к автохтонам, и значение его такое же, как у слова *новокрещен* – ‘кинородец» Сибири, принявший христианство’ и т.д. Такое соотношение также должно найти отражение в словарной статье.

«Приращение значения» по тексту мы видим, например, в слове *аманат* ‘заложник’. К концу романа мы знаем, что это не просто заложник. Это особый вид отношений русских и «инородцев» Сибири, при котором в остроге поселяются близкие родственники главы улуса, где живут довольно свободно, со своими вещами, слугами и т.д. Но до тех пор, пока улус платит ясак. Таким образом, это не заложник, а гарант получения дани. Структура словарной статьи осложняется, она включает в себя некоторый текст, который показывает жизнь слова в произведении.

«Лексика художественной литературы XX века требует серьезного комментирования, т.к. в тексте этого бурного века многое ушло безвозвратно. Создание толково-энциклопедических словарей, объясняющих литературное творчество, поставит общество в относительно независимое положение от быстрой смены исторических концепций» [38. С. 129].

Литература

1. *Шестакова Л.Л.* Русская авторская лексикография: Теория, история, современность. – М.: Языки славянских культур, 2011. – 448 с.
2. *Щерба Л.В.* Опыт общей теории лексикографии // Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. – Л., 1974. – 428 с.
3. *Яцкевич Л.Г.* Народное слово в произведениях В.И. Белова: словарь. – Вологда: Вологод. ин-т развития образования, 2004. – 216 с.
4. *Осипов Б.И.* Неологизмы, устаревшие и областные слова в языке поэзии С.А. Есенина: словарь-справочник для учителей средней школы и учащихся старших классов. – Барнаул: Изд-во БПИ, 1973. – 102 с.
5. *Елистратов В.С.* Словарь языка Василия Шукшина. – М.: Азбуковник: Русские словари, 2001. – 432 с.
6. *Шангина А.В.* Словарь языка забайкальского писателя Е.Е. Куренного. – Чита: Изд-во Чит. гос. ун-та, 2006. – 237 с.
7. *Давыдова О.В.* Энциклопедия казачьей жизни (о семантической структуре слова *казак* в словаре художественной прозы М.А. Шолохова) // Шолоховские чтения: сб. науч. тр. / отв. ред. Ю.Г. Круглов. – М., 2003. – С. 49–357.
8. *Товт А.М.* Исходная и авторская семантика слова в современной прозе (на материале текстов Т. Толстой и Л. Улицкой): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тамбов, 2010. – 24 с.
9. *Иванцова Е.В.* Лингвоперсонология: основы теории языковой личности. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010. – 160 с.
10. *Иванцова Е.В.* Методологические проблемы создания словаря языковой личности // Вопр. лексикографии: науч. журн. / Том. гос. ун-т. – 2012. – № 1. – С. 27–51.
11. *Филин Ф.П.* О «Словаре современного русского литературного языка» и его лексическом составе // Очерки по теории языкознания: избр. труды. – М.: Бослен, 2008. – 415 с.
12. *Скляревская Г.И.* Новый академический словарь: проспект. – СПб.: Наука, 1994. – 64 с.
13. *Кульпина В.Г., Татаринов В.А.* Современная польская тематическая лексикография // Русский язык за рубежом: реферат. журн. – Сер. 6, №1, 2005. – С. 150–152.
14. *Словарь* говоров Среднего Урала. – Т. 1. – Свердловск: Ср.-Урал. кн. изд-во, 1964. – 207 с.
15. *Элиасов Л.Е.* Словарь русских говоров Забайкалья. – М.: Наука, 1980. – 472 с.
16. *Быков В.* Русская феня. – Смоленск: ТРАСТ-ИМКОМ, 1994. – 223 с.
17. *Колесников Н.П., Корнилов Е.А.* Поле русской брани. – Ростов н/Д: Феникс, 1996. – 384 с.
18. *Якубинский Л.П.* Несколько замечаний о словарном заимствовании // Язык и его функционирование: избр. раб. – М., 1986. – С. 59–71.
19. *Толстова Г.А.* Словарь языка Агафьи Лыковой. – Красноярск: Краснояр. гос. пед. ун-т, 2004. – 560 с.
20. *Падерина Л.Н., Самотик Л.Г.* Словарь внелитературной лексики в «Царь-рыбе» В.П. Астафьева. – Красноярск: Краснояр. гос. пед. ун-т, 2008. – 576 с.

21. Хауген Э. Проблемы двуязычного описания // Новое в лингвистике. – Вып. 6: Языковые контакты. М., 1972. – С. 277–290.
22. Ошаров М. Большой аргиш: роман. – Красноярск: Кн. изд-во, 1977. – 367 с.
23. Трошев Ж. Большой Ошар: роман. – Кн. 2. – Красноярск: Кн. изд-во, 1981. 350 с.
24. Астафьев В. Царь-рыба. Петрозаводск: Карелия, 1986. – 366 с.
25. Романова А.В., Мыреева А.Н. Диалектологический словарь эвенкийского языка / АН СССР. Якутский филиал СО, Институт языка, литературы и истории. – Л.: Наука, 1968. – 215 с.
26. Эвенкийско-русский словарь / сост. Г.М. Василевич. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1958. – 264 с.
27. Кочнева З.И. Эвенкийско-русский тематический словарь. – Красноярск: Кн. изд-во, 1990. – 52 с.
28. Акунин Б. Турецкий гамбит. – М.: Захаров, 2003. – 220 с.
29. Акунин Б. Алмазная колесница: в 2 т. – М.: Захаров, 2011. – 720 с.
30. Устинова Т.В. Мой генерал. – М.: Эксмо, 2008. – 352 с.
31. Пикуль В. Фаворит. Кн. 2: Его Таврида. – М.: Вече АСТ, 2004. – 380 с.
32. Шкловский В.Б. Искусство как приём // О теории прозы. – М., 1925. – С. 7–20.
33. Акунин Б. Пиковый валет // Акунин Б. Особые поручения: повести. – М., 2009. – 366 с.
34. Ильин И.П. Постмодернизм: словарь терминов. М.: ИНИОН РАН: Intrada, 2001. – 384 с.
35. Абрамова К.С. Эвенкийско-русский тематический словарь. – Благовещенск: Амур. обл. ИППК, 2007. – 52 с.
36. Чмыхало А.И. Дикая кровь. – Красноярск: Кн. изд-во, 1989. – 411 с.
37. Чмыхало А.И. Опальная земля. – Красноярск: Кн. изд-во, 1998. – 352 с.
38. Рождественский Ю.В. О современном положении русского языка // Вестн. МГУ. – Сер. 9: Филология. – 1995. – № 3. – С. 110–134.